

Фильм про Тимура снимали в Белом Яре

В 1942 году на экраны страны вышел фильм «Клятва Тимура» советского режиссёра Льва Владимировича Кулешова. В своей книге воспоминаний «50 лет в кино» (1967) доктор искусствоведения, один из пионеров мирового кино, автор учебника «Основы кинорежиссуры» некоторые фрагменты посвятил работе над созданием этого фильма и, в частности, экспедиции в Ульяновскую область, проводившей здесь натурные съёмки летом и осенью 1941 года.

«Наконец все приготовления к съёмке «Клятвы Тимура» были окончены. Часть артистов была приглашена из первой серии – мальчик Лива Щипачёв (сын поэта Степана Щипачёва), исполнявший роль Тимура, молодая актриса Марина Ковалёва (дочь известной певицы), исполнявшая роль Ольги, и другие. Съёмочной группе для проведения съёмки было предложено выехать с детьми в Ульяновск.

Мы отправили наших матерей в Ростов Ярославский к знакомым и стали готовиться к отъезду.

Третьего августа вся наша съёмочная группа выехала из Москвы в товарном поезде. К этому времени большинство сотрудников «Союздетфильма» ушло в народное ополчение. Нас задержали, направив на съёмки. Ушли в ополчение профессора, преподаватели и сотрудники ВГИКа во главе с директором института Д.В. Файнштейном. Многие из них не вернулись...

Большинство членов съёмочной группы ехали в Ульяновск с семьями, мы – одни.

Поезд шёл медленно. Были налёты. Но фашистские бомбы нас пощадили.

Место для съёмок мы нашли под Ульяновском в местечке Белый Яр.

Сценарий «Клятва Тимура» ещё не был утверждён. ЦК комсомола направил своего работника Дмитрия Сергеевича Писаревского к нам в Белый Яр отредактировать сценарий. Писаревский сделал незначительные замечания, уехал в Москву, где с нетерпением ждали приезда с фронта Гайдара, который обыкновенно

не принимал никаких чужих поправок. Гайдар прибыл, прочёл сценарий и, к радости Дмитрия Сергеевича, его с лёгкостью подписал. Затем снова уехал на фронт и уже больше не вернулся...

Приступая к съёмкам, весь наш коллектив решил сделать простую, ясную, правдивую картину – близкую и понятную как детям, так и взрослым. Мы хотели сделать картину от всей души, от всего сердца. Мы хотели показать в картине через переживания детей – переживания и чувства всего нашего народа в дни Великой Отечественной войны. Мы хотели правдиво показать первые дни войны, отобразить атмосферу патриотизма и непоколебимой уверенности в окончательной победе над фашизмом.

Весь съёмочный коллектив работал упорно, страстно и честно. Коллектив был по-военному маленький – не было даже ассистента и помрежа. Работники группы решили трудиться по-военному, и каждый член коллектива, включая и актёров, работал за двоих и троих – по разным специальностям.

Художник был одновременно и столяром, и реквизитором, режиссёры – и ассистентами, и помрежами, и детскими воспитателями, актриса Ковалёва оказалась хорошим администратором и помрежем, оператор помимо основных съёмок провёл и все комбинированные, иногда заменял режиссёра, часто работал без ассистента, исполнял и обязанности лаборанта; гримёр, костюмерша, рабочий-постановщик, шофёр тонвагена были, когда надо, и администраторами, и помрежами, и актёрами.

Было решено не делать лишних дублей – большинство кусков в картине было снято по одному разу, и только некоторые из них имели один дубль. Это удавалось потому, что мы не теряли времени в плохую погоду и тщательно репетировали с детьми и актёрами заранее поставленные сцены. Оператор Кириллов снимал чётко и точно, учитывая движение солнца, устанавливая кадры по заранее разработанному расписанию. Кроме того, в сомнительные по погоде дни группа всегда бывала на местах съёмок и терпеливо ждала «просветов».

Мы решили снять большинство декораций не в павильоне, которого не было, а на натуре. Для этого наш художник П. Гладков проектировал декорации и строил их из расчёта на фактически имеющийся строительный и декоративный материал в Белом Яре. Декорации сооружались на толстом столбе, так что их можно было поворачивать по солнцу, а оператор сумел их снять (без электроподсветки) так, как снимают в павильонах. Звукооператор Н. Озорнов снимал синхронно все сцены в любых условиях, в любой ветер, не стесняясь посторонних шумов, и оказался прав.

Всё это нам дало возможность взять на себя обязательство закончить картину к 7 ноября 1941 года. И действительно, мы все экспедиционные работы завершили значительно раньше намеченного срока. Оставалось снять в Москве одну декорацию и кое-что из комбинированных съёмок.

Теперь, вспоминая военное время и наши мытарства по городам и районам России, мы всё больше ценим великое гостеприимство русского народа. Нас всюду встречали ласково, внимательно и заботливо; снимая комнаты, мы, как правило, попадали к культурным, сердечным и интересным людям, будь то просто колхозники или городские интеллигенты – все относились к нам, как к родным. В эти дни мы убедились и в том, что в войну не существовало разницы между столицей и провинцией, между городом и деревней – общая жизнь, общая культура, общие интересы. Мы могли наглядно убедиться в гигантском значении радио – так называемые «провинциалы» и колхозники не хуже, а лучше нас разбирались в вопросах политики, науки и искусства, отлично знали всех известных людей, все концерты, лекции, оперы, театральные спектакли.

Живя в Белом Яре, мы приобрели «приёмыша». Это был исполнитель роли Тимура – четырнадцатилетний мальчик Лива Щипачёв. Дело в том, что вечерами после съёмок мы отправлялись ежедневно на охоту – стрелять уток и куликов. Это занимало немного времени, но было обязательным – иначе мы оставались голодными (вещей с собой не брали, и продавать было нечего). Лива увлёкся охотой, ходил за нами, учился не мешать. Потом научился выгонять дичь. Потом ему стали давать ружьё, и, когда ему удалось добыть кряковую утку, – счастье его не имело границ.

Случилось так, что мать Ливы, сопровождавшая сына в экспедицию, уехала в Москву. После её отъезда мы как-то увидели мальчика, стоящего перед балкончиком нашей квартиры с умоляющим выражением лица. Когда мы спросили у Ливы, в чём дело, он ответил, что дома замёрз (была глубокая осень) и просит разрешения переночевать у нас в сенях. Мы пригласили мальчика в комнату и, хотя это было почти невыполнимо, – втиснули для него матрац между нашими кроватями.

Теперь Лива – художник. Иногда мы по-прежнему с ним ездим на охоту, когда он приезжает осенью в Крым. А наш настоящий сын с 1941 года в армии; потом появилась внучка Катя. Теперь она уже закончила киноведческое отделение ВГИКа.

Кадры из фильма «Клятва Тимура»

Засняв всё возможное в Белом Яре, мы направились в Ульяновск, с тем чтобы уехать в Москву. Сердечно простившись с принявшими нас колхозниками, мы уселись на грузовик и отправились на пароходную пристань, думая о прожитом, о войне, о возвращении во фронттовую столицу. Была ночь. Грузовик удалялся от огонька Белого Яра. И вдруг на небе появились огромные огненные столбы и зарево. Столбы двигались, таяли, возникали снова. Это нам удалось видеть исключительное и редкое явление в центре России, на Волге – северное сияние.

В Ульяновске наш отъезд в Москву был задержан. Вначале мы не могли понять – почему. Но когда на улицах Ульяновска стали встречаться прибывающие из столицы запылённые, грязные, знакомые по Москве чёрные большие машины «ЗИС-101», забитые доверху мешками и чемоданами, – мы поняли, что Москва напряжена до последнего предела и возвращаться в столицу с детьми нам не разрешат. Так и случилось – мы получили предписание уехать в Уфу».

Лев Кулешов